

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

321.01; 323.22

ВЛАСТЬ И СОПРОТИВЛЕНИЕ: СООТНОШЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

А.В. СКИПЕРСКИХ

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, г. Пермь*

e-mail: AVSkiperskikh@hse.ru

Политический процесс представляет собой постоянное взаимодействие власти и сопротивления. Оппозиционные акторы противостоят правящим акторам вне зависимости от доминирующего типа политического режима. Разумеется, эффективность подобного сопротивления может быть различной.

Диспозиция власть/сопротивление наполняется конкретным содержанием в случае определённого политического режима. Существующие формы и средства давления в отношении друг друга представляют собой как вполне распространённые схемы, равно как и уникальные, специфические техники.

Ключевые слова: власть, сопротивление, оппозиция, политический процесс, политический режим.

Политический процесс характеризует постоянное развитие. Эта особенность характерна для всех типов политических процессов, вне зависимости от их уровня. Развитие характеризует как международные политические процессы, так и политические процессы, относящиеся к локальному уровню политики.

Сущность политического процесса раскрывается в постоянном взаимодействии политических акторов по поводу отношений власти. Правящие акторы взаимодействуют с оппозиционными политическими акторами, тем самым, подчёркивая неустанную динамику самого политического процесса.

В этой связи, на наш взгляд, политический процесс следует представлять в контексте взаимодействия власти и сопротивления. Оппозиция «власть – сопротивление» имеет онтологический характер, ведь и власть и сопротивление, изначально присутствуют везде, где есть политические отношения. Онтологический характер оппозиции «власть – сопротивление» был отмечен французским философом Р. Бартом, который отмечал удивительную способность власти быть абсорбированной везде. Как отмечал Р. Барт, власть присутствует «в любом дискурсе, даже если он рождается в сфере безвластия»¹. Продолжая логику Р. Барта, отметим, что и сопротивление может носить онтологический характер, представляясь в качестве объективной оппозиции власти и существуя везде, где существует власть.

Сопротивление и власть диалектически соединены, их существование друг без друга нельзя представить. Так же, как существует власть, объективируясь в политическом процессе через многочисленные инстанции, могут существовать и практики сопротивления, возникающие там, где власть обнаруживает себя. Подобная диспозиция власти и сопротивления может являться некоей базовой объективной конструкцией, с помощью которой должна определяться политическая практика в целом. Даже самая популярная

¹ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.

власть будет балансироваться сопротивлением. В данном смысле, высокие рейтинги каких-либо политических институтов не должны стать дополнительным оправданием и признанием правоты власти. Наоборот, высокие рейтинги и чрезмерное общественное ликование только усиливают сопротивление, совершенствующееся в формах и приобретающее латентный, иррегулярный характер демонстрации.

В различные периоды исторического времени соотношение власти и сопротивления может меняться. Ключевым условием, определяющим формат взаимодействия между властью и сопротивлением, может выступать сам политический режим. Сопротивление имеет место быть всегда, присутствуя при тоталитарном, авторитарном и демократическом режиме. Попытаемся рассмотреть, как власть и сопротивление взаимодействуют в каждом из указанных типов режимов. Безусловно, мы понимаем, что современная политическая мысль склонна определять ещё и некие гибридные версии каждого из указанных типов режимов, притом как статическая жизнь отдельно взятого режима кажется практически невероятной.

Политический процесс – бесконечное соперничество за власть, бесконечная смена диспозиции. Протест и бунт, демонстрируемые человеком, следуя мысли М. Фуко, всецело принадлежат истории. Бунтующий человек проникает в историю, и «оживляет её своим дыханием»².

Власть и сопротивление при тоталитарном режиме.

Наиболее сильно диктат власти отмечается в тоталитарное время. Пространство тоталитарного режима является оптимальным для наиболее сильной позиции власти, по сути дела, не встречающейся с сопротивлением своим репрессивным практикам. Мощь тоталитарной машины обрушивается на общественное тело, не оставляя ему возможности проводить альтернативную политику. Власть пытается полностью исключить риски появления новых, альтернативных центров власти, она ревностно относится к любым попыткам неформальной организации, в чём видит потенциальную угрозу собственной легитимности.

Суть сложившейся ситуации довольно точно определяется венгерским интеллектуалом Д. Далошем, отмечавшем специфику тоталитарного режима в отсутствии «общественной силы, которая могла бы противостоять изъявлению воли диктатора»³.

Воля диктатора, прикрываемая существующей официальной идеологией, не предполагает сомнения в собственной справедливости и правоте. Общество живёт нарративом власти, осуществляющей не только физический, но и психологический контроль, вплоть даже до кардинального изменения мировоззренческой картины мира, обрушивания её, переворачивания наоборот. Принуждение осуществляется через развитую систему репрессивных, дисциплинирующих инстанций, ломающих человека, перевоспитывающих его.

Тоталитарное общество удерживается верой в несокрушимую победу идей, формулируемых властью. Поэтому, тоталитарная машина нуждается в постоянных объективациях собственного великого замысла. Метафорой подобного замысла может стать платоновский котлован, над производством которого трудится огромное количество людей. Тоталитарный режим объективируется через образы великих строек, через силуэты гигантских сооружений, открывающихся взгляду издали, и являющихся специфическим признаком конкретного этнопейзажа. Трубы металлургических комбинатов, терриконы шахт, плотины, перекрывающие реки – все подобные объекты должны формировать особую коллективную идентичность в рамках официальной идеологии и сокрушать любое сопротивление.

Английский писатель Д. Оруэлл однажды убедительно выскажется о том, что такое свобода. «Свобода – это возможность сказать, что дважды два – четыре. Если дозволено это, всё остальное отсюда следует»⁴. При тоталитарном режиме власть контролирует право на речь, и, стало быть, власть оставляет за собой право на формулирование смыслов. Правящий режим превращается в единственного конструктора и интерпретатора, поэтому любые попытки альтернативного толкования моментально ставят под сомнение всю возводимую конструкцию. Вспомним, как в «Новом платье короля» Х.К. Андерсена маленький мальчик увидел короля голым и совершенно спокойно признался в этом. Способность давать оценки – выражать своё мнение, отличающееся от официальной точки

² Фуко М. Восстановить бесполезно? // Неприкосновенный запас. 2011. № 5 (79). С. 19.

³ Далаш Д. Гость из будущего. Анна Ахматова и Исайя Берлин. История одной любви. М., 2010. С. 65.

⁴ Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 68.

зрения, вступают в серьёзный конфликт с проблемами безопасности власти. Любая власть является заинтересованной в максимальном удержании позиции, но тоталитарная власть заинтересована в этом в большей степени, что и сказывается на её предохранительных, репрессивных практиках. В любом случае, для неё становится важным подавить источники распространения не слишком позитивной информации о себе, устранить носителей альтернативного мнения.

Слабость сопротивления при тоталитарном режиме является объективной, но при этом не означает, что оно неэффективно. Тоталитарные системы подтачиваются изнутри и оказываются не такими уж и сильными в тот момент, когда диктатору приходится отвечать на вопросы в условиях кризисной политической повестки.

Есть много примеров распада империй в новейшей истории – тоталитарных, неповоротливых машин, казавшихся вечными. В подобные моменты инициатива начинает переходить к оппозиции. Сопротивление моментально переключает внимание на себя, от него исходит много идей – политическая повестка сопротивления кажется очень смелой и благородной. Единственно возможный официальный центр власти распадается, не являясь уже источником единственных смыслов.

Власть и сопротивление при авторитарном режиме.

Кажется, что сопротивление имеет больше шансов на независимое и достойное позиционирование при авторитарном режиме, в рамках которого репрессивное напряжение не чувствуется таким очевидным как при тоталитарном режиме. Кажется, что участь сопротивления при авторитарном режиме прямо заключается в благородной миссии противостояния автократу. При этом отсутствие официальной идеологии, специфических ритуализаций и символов тоталитарного господства, проникающих в повседневную практику, на первый взгляд, создаёт для сопротивления большее пространство для манёвра. Но это только на первый взгляд.

Если предположить, что ключевой задачей политических субъектов, противостоящих друг другу в политическом процессе, является борьба за доступ к ресурсам, то позиции сопротивления здесь снова значительным образом ограничиваются. Инициативы сопротивления могут сознательным образом локализоваться вокруг специфических тем (борьба за вырубку парка, экологические проблемы, движения автомобилистов и т.д.), но фундаментальные, базовые практики борьбы за власть не представляются реализуемыми в какой-либо перспективе. Власть в авторитарном режиме делает максимум для того, чтобы её позиция не могла быть поколебимой. И если в тоталитарном режиме сопротивлению противостоит само государство, символически тотализованное в повседневной практике, то в условиях авторитарного политического режима, сопротивление оказывается один на один с конкретным диктатором, с его страхами, мстительностью, с его Эго.

Диспозиция власть/сопротивление находится в постоянном развитии и в условиях авторитарного политического режима. Правящая элита стремится к максимальной консервации и увеличению дистанции между собой и институтами сопротивления. При авторитарном режиме сопротивление имеет право на существование, но это существование подчёркнуто декоративно и приблизительно. В этом смысле кажется достаточно показательной мысль немецкого теоретика коммуникации Н. Лумана, отмечающего, что «у того, кто подвергается принуждению, возможности выбора сводятся к нулю»⁵. В известной работе «Власть» Н. Луман последовательно разворачивает данную мысль, показывая, как происходит ограничение выборов индивида. Скажем, по Н. Луману, нарушение селекции индивида, которое не замечается самим индивидом, является «высшим пилотажем» практики принуждения – своеобразным апофеозом технократического управления.

Данная зависимость легко перепроверяется на примере существования оппозиционных СМИ, которые прекрасно понимают, что им можно критиковать, а что нельзя. Авторитарный режим предусмотрительно «закрывает» для обсуждения некоторые темы, которые могут угрожать легитимности правящей элиты и непосредственно автократа. Как и в случае с проявлениями гражданской активности вокруг довольно специфических и локальных тем, оппозиционные СМИ также акцентируют внимание на довольно нейтральных темах, а в ряде случаев и вовсе вписываются в политические тренды в рамках официальной идеологии. Авторитарный режим заинтересован в лояльных СМИ, потому как автократ очень любит похвалу и внимание к своей персоне исключительно в положительных коннотациях.

⁵ Луман. Н. Власть. М., 2001. С. 18-19.

Безусловно, в подобной ситуации оппозиционной элите очень сложно рассчитывать на расширение собственного влияния, равно, как и на ослабление позиции, занимаемой правящими акторами.

Конечно, авторитарный режим не представляется режимом, который невозможно подвергнуть сомнению. История знает довольно много примеров, когда диктатору приходилось пользоваться не парадной лестницей, а служебным вертолётом, чтобы вовремя покинуть собственную резиденцию, дабы не оказаться схваченным разъярённой, улюлюкающей толпой.

Авторитарный режим обладает меньшей устойчивостью по сравнению с тоталитарным режимом. Он в меньшей степени интегрирован символически, идеологически и культурно, что заставляет власть постоянно озадачиваться необходимостью минимизации сопротивления. Власть, хотя и принадлежит автократу – жестокому и бескомпромиссному, но, всё равно, может выглядеть шаткой и лишённой устойчивости. Конечно, при таком раскладе сопротивление приобретает дополнительные шансы. Существующие де-юре процедуры смены власти не могут не искушать оппозиционные элиты от попыток политических претензий. В подобные моменты актуализируется вопрос готовности сопротивления и его институтов. Как правило, политические кризисы, в результате которых происходит распад авторитарных режимов, демонстрируют, что политические лидеры сопротивления оказываются настороже.

Власть и сопротивление при демократическом режиме.

В демократических системах мы достаточно часто можем сталкиваться с ситуациями циркуляции политических элит. Существующие легальные способы смены элит создают неплохую базу для демократических трансформаций. В этом смысле, демократические режимы оказываются наиболее зависимыми от настроений сопротивления и от того, в какой мере оппозиционные акторы пользуются общественной поддержкой. В случае если подобное имеет место быть, периоды ожидания между электоральными циклами значительно сокращаются. При демократических режимах власти не гарантирован полноценный политический цикл.

Опыт ряда постсоветских государств, где происходили смены власти, показывает, что давление сопротивления может быть настолько высоким, что требуются досрочные выборы (Кыргызстан, Украина). Смена власти может происходить и за рамками демократической процедуры – сопротивление не всегда бывает обеспокоено вопросами правового соответствия. Ещё Аристотель предсказывал вероятность смены власти в случае проявления её представителями наглости и корыстолюбия. Именно поэтому, «население начинает враждебно относиться и к ним, и к тому государственному строю, который даёт им такие возможности»⁶.

Именно в демократическом режиме актуализируется общность власти и сопротивления, в некоторой степени ставшая под сомнение в тоталитарных объективациях и в патерналистских претензиях автократа. Демократический режим показывает чёткую связь между самой властью и обществом, до поры до времени, молчаливо взвешивающим на противостояние правящих и оппозиционных акторов. Утрата общественной поддержки властью чревата её делегитимацией, равно, как и низкая популярность оппозиционных акторов не может предоставить им право говорить от имени широких народных масс. Поэтому, вполне объективны стремления, как правящей, так и оппозиционной элиты снискать расположение общества, от воли которого и зависит их дальнейшая диспозиция.

Недавним примером могут послужить протестные акции в России в 2011-2012 гг. Казалось бы, довольно справедливое возмущение фальсификациями, имевшими место в период различных избирательных кампаний, не было выражено в большом количестве недовольных. Опыт политического процесса в России подсказывает, что довольно большое количество граждан готово поддерживать текущую ситуацию. Мощные патерналистские ориентации и разделение традиционных ценностей создаются в России многочисленным классом работников бюджетной сферы и силовиков, на который и опирается государство.

При демократическом режиме отношения власти и сопротивления находятся в постоянной динамике. Власть должна включаться в общественные проблемы, демонстрируя обществу, что она его слышит и понимает. Хотя, с другой стороны при демократическом режиме может оказаться верной и такая зависимость: «чем более власть реаги-

⁶ Аристотель. Сочинения: В 4 т. . Т. 4. М., 1983. С. 530.

рует на социальные события, тем более подтверждает своё бессилие»⁷. Таким образом, власть может попасться на обман. Представители оппозиции порой могут чересчур активно сигнализировать о существовании какой-либо проблемы, не способной решиться быстро, и предполагающей бессмысленную трату времени. Можно сказать, что чем чаще представителям правящей элиты приходится реагировать на те, или иные ситуации, то тем более сильным выглядит сопротивление, «приглашающее» власть в свой дискурс. Необходимо понимать, что при демократическом режиме присутствует и провокативное начало, выступающее неотъемлемой чертой некоторых оппозиционных акторов, что называется на их политическом творчестве, «связанном с демонстрациями протестных текстов, с их представлением аудитории»⁸.

Диспозиция власть/сопротивление показывает, что подчинённое положение человека в отношении властной репрессивной машины не является раз и навсегда утверждённой данностью. Подчинённое состояние периодически перепроверяется. Как раз наиболее динамично подобная перепроверка происходит в случае демократических политических режимов, где власть и оппозиция часто меняются местами. Несмотря на существующие экзистенциальные установления, по типу «я не свободен, и мне ни избежать судьбы своего класса, своей нации, своей семьи, ни даже основать свою власть или удачу, ни победить свои даже самые незначительные желания и привычки»⁹, политическая практика изобилует примерами опровержения подобной фундаментальной репрессивности мышления.

Необходимо понимать, что при демократическом режиме могут существовать достаточно неплохие условия для формирования и развития оппозиционного дискурса, что является прямым следствием развития политического многообразия и сложности институционального дизайна политической системы¹⁰.

Власть принято критиковать, сопротивление (оппозиционная элита) имеет право представить собственный взгляд на текущие политические процессы и не согласиться с официальным курсом. Наконец, сопротивление может иметь достаточно экономических, информационных и культурных ресурсов, позволяющих ему на равных соперничать с административной машиной власти.

Независимость оппозиционных акторов при демократическом режиме является угрозой для легитимности правящих акторов. Оппозиционные акторы бывают часто укреплены в выборе средств и форм давления на власть. Формы и методы давления на власть бывают довольно интересны и креативны по сравнению с предохранительной политикой самой власти, как правило, точно следующей в фарватере чётких инструкций и предписаний.

Таким образом, диспозиция «власть – сопротивление» обладает различным содержанием в зависимости от существующего типа политического режима. История взаимодействия власти и сопротивления в конкретной системе, а также перспективы данного взаимодействия достаточно чётко коррелируют с политическими спецификациями конкретной политической системы.

POWER AND RESISTANCE: CORRELATION IN THE POLITICAL PROCESS

A.V. SKIPERSKIKH

*National Research University
Higher School of Economics, Perm*

e-mail: AVSkiperskikh@hse.ru

The political process is a constant cooperation of power and resistance. Opposition actors oppose the ruling actors regardless of the dominant type of political regime. Of course, the effectiveness of this resistance may be different.

Disposition power/resistance is filled with concrete content in the case of a particular political regime. Existing forms of pressure with respect to each other are both quite common scheme as well as a unique, specific techniques.

Key words: power, resistance, opposition, political process, political regime.

⁷ Макаренко В.П. Политическая концептология. М., 2005. С. 59.

⁸ Скиперских А.В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России // Политическая лингвистика. № 1. 2014. С. 109.

⁹ Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., 2004. С. 490.

¹⁰ Старостенко К.В. Политическое многообразие как фактор оптимизации модернизации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. № 8 (39). Вып. 4. С. 145-149.